

рецензии в 1940-х годах пришлось столкнуться в Якутии с тем, что обремененные семей женщины уклонялись от обучения, так как стеснялись и опасались уподобиться молодежи. В связи с этим в ряде случаев организовывалось индивидуальное обучение.

Несмотря на все трудности, к 1940 г. все союзные и многие автономные республики практически достигли всеобщей грамотности взрослого трудоспособного населения.

В целом книга В. А. Куманева дает возможность на основе документальных данных оценить достижения народов Советского Союза в борьбе за сплошную грамотность и всеобщее образование. Вместе с тем отдельные стороны большой проблемы, рассмотренной в книге «Революция и просвещение масс», нуждаются в дальнейшей разработке. Такова, например, роль печати на языках младописьменных народов в преодолении отсталости и ликвидации неграмотности. Несколько схематично представлен в работе ход борьбы за ликвидацию малограмотности. Может быть, следовало полнее осветить особенности борьбы за просвещение в районах Крайнего Севера. Однако все это темы требуют дальнейших специальных работ.

Советский опыт организации системы массового просвещения, борьбы за ликвидацию неграмотности и овладение знаниями в современную эпоху приобретает особую ценность. В последние годы число неграмотных в мире растет. Массовая неграмотность — национальное бедствие многих развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Книга А. В. Куманева, рассказывающая об успехах, достигнутых Советским Союзом в области массового образования, в этой связи имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

И. С. Гурвич

M. Sahlin s. Stone Age economics. Chicago and New York, 1972, 348 p.

Одной из самых интенсивно развивающихся отраслей зарубежной этнографической науки является в настоящее время «экономическая антропология». Этим термином в зарубежной литературе принято обозначать научную дисциплину, которая исследует экономические отношения первобытного, протоклассового (т. е. формирующегося классового), а также «крестьянского» (peasant) обществ¹. Но огромный фактический материал о первобытных социально-экономических отношениях, накопленный к настоящему времени, в теоретическом отношении остается во многом неразработанным. Если можно назвать десятки монографий, в которых детальнейшим образом описываются экономические отношения у тех или иных народов, находящихся на стадии первобытного или протоклассового общества, то работы обобщающего характера представляют в этой области редкое явление. Причем и они чаще всего оказываются простой сводкой материала. В качестве примера можно указать хотя бы на «Экономическую антропологию» М. Херсковица². Теоретические проблемы обычно рассматриваются в статьях, носящих самый общий характер.

Поэтому не может не привлечь внимания недавно увидевший свет труд прогрессивного американского этнографа М. Салинса «Экономика каменного века». Автор хорошо знаком с работами К. Маркса и по некоторым вопросам приходит к выводам, близким к марксистским, что делает его труд особо интересным для советского читателя.

Последние 12—15 лет экономическая антропология была ареной ожесточенной борьбы двух основных направлений, одно из которых получило название «субстантивизма», а другое — «формализма»³. М. Салинс в работе выступает как убежденный сторонник субстантивистского подхода к первобытной экономике. Он подвергает резкой критике формалистский подход, сущность которого он видит во взгляде на первобытную экономику как на недоразвитый вариант капиталистической (стр. XI—XII). Рассматривая формально-экономическую теорию как буржуазную по своей природе, М. Салинс конфликт между ней и субстантивизмом характеризует как конфронтацию двух идеологий (стр. XIII—XIV).

Из шести глав, составляющих книгу М. Салинса, четыре (I, IV, V, VI) уже были ранее опубликованы в качестве самостоятельных работ. И хотя при подготовке данного издания некоторые из них (главы I и VI) были доработаны, книга не представляет собой целостного исследования. Это по существу сборник очерков, объединенных общностью тематики.

В первой главе, озаглавленной «Первобытное общество изобилия» (The original affluent society), автор вслед за Э. Сервисом⁴ бросает вызов глубоко укоренившемуся представлению об охотниках и собирателях как о людях, задавленных непосильной

¹ Об истории и современном состоянии этой дисциплины см.: Ю. И. Семенов, «Теоретические проблемы «экономической антропологии», «Этнологические исследования за рубежом», М., 1973, стр. 30—76.

² M. J. Herscovits, *Economic anthropology*, N. Y., 1952.

³ Подробнее см. Ю. И. Семенов, Указ. раб.

⁴ E. Service, *Profiles in ethnology. A significant revision of a profile of primitive culture*, N. Y., 1963, p. 9—10, 39—40.

борьбой за существование, испытывающих постоянные трудности и лишения, отдающих все свое время поискам пищи и живущих под постоянной угрозой голодной смерти. Не ограничиваясь утверждением об ошибочности такого взгляда, М. Салинс вскрывает его корни. Основную причину его появления он видит в буржуазном этноцентризме. Главным в буржуазной политэкономии является учение о том, что существующих средств потребления никогда не хватает для удовлетворения всех человеческих потребностей. Это положение, считает М. Салинс, верно по отношению к буржуазному обществу. Но если даже современный человек, располагающий мощной техникой, не в состоянии удовлетворить свои потребности, то тем более не мог их удовлетворить первобытный охотник, вооруженный лишь луком и стрелами. Такой вывод кажется вполне естественным. Однако делая его, указывает М. Салинс, мы по существу наделяем палеолитического охотника стремлениями и потребностями, характерными для человека буржуазного общества.

Ограниченность средств, о которой говорит буржуазная политэкономия, коренится вовсе не в уровне развития техники, взятом самом по себе, а в социально-экономической структуре капитализма как общества рыночно-индустриального. Рынок, предлагая огромное количество самых разнообразных товаров, тем самым формирует у людей огромное количество самых различных потребностей. Но ни один человек не может их полностью удовлетворить, ибо всегда располагает лишь ограниченной суммой денег. Поэтому при капитализме разрыв между потребностями и средствами их удовлетворения будет существовать всегда, как бы ни был велик объем произведенного продукта⁵.

Так же как и нехватка средств, их изобилие, указывает М. Салинс, не есть простое производное от уровня техники. Изобилие существует тогда, когда имеющихся средств вполне достаточно для удовлетворения всех потребностей. И для этого совершенно не обязательно, чтобы средств было много. Если потребности невелики, то они могут быть полностью удовлетворены и в том случае, если объем произведенного продукта сравнительно мал. Именно так обстояло дело в первобытном обществе. И в этом смысле оно было обществом изобилия.

Кроме рассмотренной выше причины, были и другие, которые способствовали утверждению взгляда на первобытных охотников и собирателей как на существа, живущие в обстановке вечной нужды и лишений. Охотники и собиратели, с которыми сталкивались исследователи, нередко жили в таких природных условиях (пустыни, полупустыни), в которых европеец не смог бы выжить. В их диету входили продукты, которые европеец стал бы употреблять в пищу, разве только в условиях крайнего голода. И наконец, нельзя забывать, что дожившие до нашего времени охотники и собиратели представляют собой «перемещенных лиц» (стр. 8). Они давно уже были вытеснены народами, достигшими более высоких ступеней развития, в неблагоприятные зоны, которые совсем не типичны для их способа производства. Особенно неблагоприятным было влияние капиталистической цивилизации. Оно имело своим следствием не только резкое сокращение природных ресурсов, эксплуатируемых охотниками и собирателями, но и разрушение их социальной организации.

И все же, указывает Салинс, несмотря на то что современные охотники и собиратели живут в гораздо худших условиях, чем наши палеолитические предки, проведенные в последние десятилетия детальные исследования их экономической жизни рисуют перед нами картину, весьма отличную от той, к которой мы привыкли. Взрослые члены двух локальных групп австралийцев Арнхемленда, изученных в 1948 г. Ф. Маккарти и М. Макартур, трудились в среднем всего лишь по 4—5 часов в день. И этого времени им вполне хватало, чтобы обеспечить каждого члена группы достаточным количеством пищи. Как отмечают исследователи, и по калорийности и по составу дневная норма человека вполне отвечала стандартам, установленным Национальным исследовательским советом США. Эти данные не расходятся с теми, что можно найти в трудах исследователей первой половины XIX в. Так, например, известный путешественник Дж. Грей, не ограничиваясь утверждением, что в хижинах аборигенов он всегда находил изобилие продуктов, писал, что, по его подсчетам, в обыкновенный сезон человек может обеспечить себя пищей на весь день всего за 2—3 часа. Согласно данным Р. Ли, изучавшего в 1963—1965 гг. бушменов кунг области Добе (Ботсвана), для того чтобы обеспечить достаточным количеством пищи всех членов группы, каждому взрослому человеку достаточно было трудиться 2,5 дня в неделю, считая рабочий день в 6 часов, что составляет 2 часа 9 мин. в день. Р. Ли при этом не учитывал время, затрачиваемое на приготовление пищи и изготовление орудий. Если его прибавить к затраченному, то полученная цифра будет близка к установленной Ф. Маккарти и М. Макартур.

Эти и многие другие факты, отмечает Салинс, свидетельствуют, что охотники и собиратели легко могли бы увеличить массу добываемого продукта. И если они этого не делают, то потому, что и производимого вполне достаточно для удовлетворения их потребностей. Характерной для охотников и собирателей является уверенность в том, что они всегда могут обеспечить свое существование. Конечно, в их жизни встречаются и трудные моменты, но в целом лишения и голод не характерны для этой стадии развития человечества (стр. 36). В первобытном обществе не было бедности и бедняков. Нищета — явление социальное. И вместе с голодом она есть порождение цивилизации

⁵ Подробнее об этом см.: Ю. И. Семенов, Указ. раб., стр. 31—36.

с присущим ей делением на классы. С этого момента развитие экономики приобрело противоречивый характер: рост богатства был одновременно и ростом нищеты, увеличение власти над природой сопровождалось порабощением человека. И наша эпоха — время великой технической мощи человека — является и временем беспрецедентного по своим масштабам голода. Голодает от одной трети до половины человечества. И причина этого — в существующей социальной структуре (стр. 36—38). Этим гневным обвинением в адрес капиталистической системы завершается первая глава.

Возвращаясь к данной в главе характеристике общества охотников и собирателей как «общества изобилия», нельзя не отметить, что, борясь с традиционной точкой зрения, автор в полемическом задоре несколько перегибает палку. Имеющиеся данные значительно более сложны и противоречивы. Так, например, А. Холмберг в монографии о сирiono Южной Америки сообщает, что им почти постоянно не хватало пищи и они постоянно ее искали⁶. Нельзя, однако, при оценке этой информации не учитывать, что сирiono были этнической группой, претерпевшей значительную деградацию: если сейчас сирiono живут в основном охотой и собирательством, то раньше они были оседлыми земледельцами. Нередким явлением были голодовки у эскимосов. С ними связаны случаи каннибализма и смерти⁷. Имеются и другие сходные факты. Поэтому, когда М. Салинс выступил с изложением своих взглядов на симпозиуме, посвященном охотникам и собирателям, его тезис о том, что последние всегда уверены в будущем, встретил возражения со стороны ряда исследователей⁸. Однако в целом отстаиваемая им точка зрения, на наш взгляд, несомненно ближе к истине, чем традиционная.

Вторая глава — «Домашний способ производства: структура недопроизводства» и третья — «Домашний способ производства: интенсификация производства» представляют собой две части единого очерка. Этот очерк написан позднее других, специально для данной книги. И на наш взгляд, он является самым интересным во всей работе. В рецензии невозможно исчерпать все богатство его содержания. Остается ограничиться кратким перечнем рассматриваемых в нем проблем.

В отличие от первой главы во второй и третьей рассматриваются не охотники и собиратели, а земледельцы, находящиеся на стадии доклассового и отчасти протоклассового общества. Как на специфическую черту доклассовых земледельческих обществ автор указывает на недопроизводство. Факты свидетельствуют, что каждое такое общество производит меньше, чем оно могло бы произвести при данном уровне техники. В этих обществах недоиспользуются природные ресурсы. Население их значительно меньше максимально возможного. В этой связи М. Салинс подвергает критике широко распространенную тенденцию объяснять «демографическим давлением на ресурсы» самые различные общественные явления, начиная с интенсификации производства и кончая возникновением государства. В действительности же, указывает он, когда мы сталкиваемся с «избытком населения», то причина заключается вовсе не в том, что мало земли самой по себе, а в том, что доступ к ней ограничен существующими отношениями производства и собственности. От характера социальной структуры зависит как само наличие избытка населения, так и его социальные последствия. «Поэтому,— пишет М. Салинс,— любое объяснение исторических событий или процессов, таких как война или возникновение государства, которое игнорирует эту структуру, является сомнительным» (стр. 49). И такая постановка вопроса совершенно верна. Она совпадает с марксистской.

Кроме природных ресурсов, в рассматриваемых обществах не полностью используется и рабочая сила. Труд постоянно перемежается периодами отдыха. Рабочий день обычно невелик. Так, например, у бемба Африки, гавайцев, кукирку Южной Америки он составлял 4 часа. У капауку Новой Гвинеи он длился от 6 до 8 часов, но зато у них за рабочим днем обычно следовал день отдыха. У тоупори Северного Камеруна мужчины в среднем работали 195 дней в году (52,3%), женщины 188,7 (51,5%).

Причину этого явления М. Салинс ищет в социальной организации производства, т. е. фактически в системе социально-экономических, производственных отношений. Приступая к ее анализу, он сталкивается с теми же трудностями, что и другие субстантивисты. Его взгляды по этому вопросу столь же противоречивы, как и взгляды К. Полани, Дж. Дальтона и других ведущих представителей этого направления. С одной стороны, он утверждает, что «даже говорить об „экономике“ примитивного общества значит упражняться с нереальностью. В структурном отношении „экономика“ не существует» (стр. 76). С другой, он же говорит о постоянно существующем на данной стадии общественного развития противоречии между обществом в целом и его экономикой (стр. 124). С одной стороны, он заявляет, что в «примитивном» обществе нет отношений, институтов или системы институтов, которые были бы экономическими сами по себе. Экономические функции в нем выполняют самые разнообразные отношения и институты: родственные, семейные, политические, ритуальные и т. п. (стр. 101, 185—186). С другой стороны, он же характеризует одни отношения первобытного общества как экономические, а другие — как неэкономические (стр. 77—78, 124—129). И при этом нередко эти две различные характеристики даются буквально одним и тем же от-

⁶ A. R. Holmberg, *Nomads of the long bow. The Siriono of Eastern Bolivia*, Washington, 1950, p. 1, 30—37.

⁷ K. Birket-Smith, *The Eskimos*, London, 1936, p. 111; E. M. Weyer, *The Eskimos. Their environment and folkways*, Hamden, 1962, p. 115—124.

⁸ «Man the hunter», Chicago, 1968, p. 85—92.

ношениям, взятым в одном и том же контексте (стр. 95, 101—102, 111, 123—130, 137). В результате всего этого автор оказался не в состоянии нарисовать верную картину первобытных социально-экономических отношений.

Господствующий в доклассовом земледельческом обществе способ производства М. Салинс характеризует как «домашний» (domestic mode of production). Последний находит свое полное воплощение в домохозяйствах (households). Связи внутри домохозяйств М. Салинс характеризует как основные отношения производства в первобытном обществе (стр. 77). Что же касается связей между домохозяйствами, то он рассматривает их как чисто внешние по отношению к «домашнему способу производства», как надстройку над ним. «Домашний способ», — пишет он, — не предполагает ни социальных, ни материальных отношений между домохозяйствами, исключая лишь отношения сходства» (стр. 95). Социальная экономика при этом способе производства раздроблена на тысячи ячеек, каждая из них организована так, чтобы функционировать независимо от остальных (стр. 95).

В результате такого подхода М. Салинс оказывается не в состоянии сколько-нибудь четко отграничить первобытную экономику от «крестьянской» экономики классового общества. Более того, он приходит к выводу, что в ориентированной на рынок «крестьянской» домашней экономике основные черты «домашнего способа производства» выступают значительно отчетливее, чем в первобытной экономике (стр. 89). С этим связано широкое использование М. Салинсом материалов по экономике русского крестьянского хозяйства начала XX в., приведенных в трудах А. В. Чаянова. В действительности же как в доклассовом, так и в классовом обществе домохозяйства всегда существовали только в неразрывной экономической связи друг с другом, только как звенья определенной системы социально-экономических отношений. И характером этой системы определялась природа отношений внутри самих домохозяйств. Первобытные и крестьянские домохозяйства представляют собой качественно различные явления, ибо являются частями систем социально-экономических отношений разного типа. Мы имеем здесь дело не с одним, а с разными способами производства. Формой связи между первобытными домохозяйствами была первобытная община. Перед нами первобытно-общинный способ производства на позднем этапе своего развития.

Существование глубоких экономических связей между домохозяйствами не осталось незамеченным М. Салинсом. Вступая в противоречие с данной им общей характеристикой «домашнего способа производства», автор подчеркивает, что домохозяйства не могут производить, не будучи связанными друг с другом (стр. 101). И поэтому, хотя М. Салинс не смог раскрыть сущности системы социальных отношений доклассовых земледельческих обществ, отдельные ее стороны ему удалось охарактеризовать во многом верно. В частности, ему в достаточной степени убедительно удалось показать, что существующие в этих обществах экономические отношения не только препятствовали дальнейшему развитию производства, но и мешали в полной мере использовать уже имеющиеся производственные возможности.

Единственным выходом из создавшегося положения было возникновение новых социально-экономических отношений — классовых, антагонистических. И Салинс фактически рисует картину становления первых, примитивных форм эксплуатации человека человеком, хотя его формулировки недостаточно четки. Он предпочитает говорить не о формировании нового способа производства, а о преодолении дефектов «домашнего способа производства» путем возникновения централизованной политической организации, возглавляемой вождями. Однако в центре его внимания — экономическое положение и экономическая роль вождей. Исходя из этого, он выделяет два основных типа вождей: вождь, который раздаёт членам возглавляемой им группы созданное его собственным трудом, и вождь, который получает от своего народа больше, чем сам дает ему (стр. 132, 138). Только последний является собственно вождем (стр. 138). Большое внимание уделяет М. Салинс анализу сходства и различия между положением вождя (chief) и положением «большого человека» (bigman) (стр. 135—138). Автор показывает, как по мере становления иерархии вождей последние все в большей степени превращаются в эксплуататоров. Поэтому сам этот процесс идет далеко не мирно. История Полинезии дает нам многочисленные примеры восстаний против вождей, чрезмерно угнетавших народ (стр. 144). Но в целом становление такой системы отношений является прогрессивным процессом. Оно имеет следствием интенсификацию производства, развитие производительных сил общества (стр. 140—141).

Четвертая глава — «Дух дара» — в основном посвящена взглядам известного французского этнографа М. Мосса, изложенным в работе «Этюд о даре» (1925 г.). Не соглашаясь с рядом положений М. Мосса, М. Салинс дает в целом высокую оценку его труду.

Богатый и многообразный материал содержит пятая глава — «О социологии примитивного обмена». Для характеристики первобытного обмена М. Салинс применяет уже давно утвердившееся в экономической антропологии понятие «взаимности» (reciprocity). Как подчеркивает автор, «взаимность» всегда есть отношение между двумя сторонами. Нередко ее понимают как сбалансированность обмена. Однако это имеет место далеко не всегда. М. Салинс выделяет три основные формы «взаимности»: генерализованную, сбалансированную и негативную.

Генерализованная «взаимность» не предполагает соответствия между даваемым и получаемым. Человек, случивший что-либо от другого, отплачивает, если может и когда может. Отсутствие взаимности не ведет к разрыву отношений. Человек продол-

жают давать другому и в том случае, если сам ничего от него не получает. Здесь социальная сторона доминирует над материальной. Сбалансированная «взаимность» предполагает более или менее точное соответствие между даваемым и получаемым. Здесь одинаково важны как социальная, так и материальная сторона отношений. Отсутствие отплаты или ее неэквивалентность ведут к разрыву связи. Негативную «взаимность» М. Салинс определяет как попытку получить что-то, не дав взамен ничего. Это понятие у автора не отличается четкостью. Сюда он относит «выторговывание», «выигрывание», «кражу» (стр. 198).

Большое внимание уделяет М. Салинс выявлению зависимости формы проявления «взаимности» от родственной дистанции, ранга родства, различия в материальном положении сторон (стр. 195—215). Интересен раздел этой главы, в котором раскрывается особое место пищи в системе первобытного обмена (стр. 215—219). Ряд разделов посвящен выявлению роли сбалансированной «взаимности» в создании и поддержании социальных связей между группами и индивидами, в частности брачных союзов, в улаживании конфликтов и т. п. Большую ценность представляет приложенная к главе обширная сводка фактического материала, относящегося к рассматриваемым вопросам (стр. 231—275).

В последней главе — «Меновая стоимость и дипломатия примитивной торговли» автор, противопоставляя «примитивную торговлю» столь характерной для капитализма «рыночной торговле», предпринимает попытку создать особую теорию стоимости, отображающую специфические черты первой. Хотя М. Салинсу удалось показать целый ряд особенностей «примитивной торговли», в целом его попытку нельзя считать удавшейся. Но М. Салинс и сам не претендует на окончательное решение вопроса, характеризуя свое теоретическое построение как гипотезу (стр. 313).

В заключение необходимо подчеркнуть, что, несмотря на отмеченные выше недостатки, книга М. Салинса, несомненно, представляет собой существенный вклад в разработку теоретических проблем экономики доклассового общества. Это, на наш взгляд, самое ценное из всего того, что было опубликовано по теории первобытной экономики за последние 10—15 лет. Был бы крайне желателен перевод работы на русский язык, если и не всей, то по крайней мере трех ее первых глав.

Ю. И. Семенов

Wendel H. Oswalt. Other peoples, other customs. World ethnography and its history. N. Y., 1972, 430 p.

В этой книге своеобразно не только заглавие — «Иные народы, иные обычаи», — явно рассчитанное на широкого читателя — неспециалиста. Само содержание книги, хотя и строго научное, ориентировано тоже на читателя, обладающего лишь средним уровнем общей подготовки и отнюдь не профессиональным кругом интересов.

Уэнделл Освальт — профессор Калифорнийского университета (Лос-Анджелес), специалист по этнографии американской Арктики: ряд его исследований посвящен эскимосам Аляски¹. В этой же книге он попытался суммировать важнейшие выводы всей современной этнографической (или «антропологической», как говорят в США) науки, — те выводы, которые имеют принципиальное, можно бы даже сказать, мировоззренческое значение и должны интересовать каждого мыслящего человека.

Главное содержание книги отвечает вековечному и самому основному вопросу этнографической науки: вопросу о причинах социально-культурных различий между народами. Ведь эти различия порой так велики и разительны, что они не раз побуждали ученых и мыслителей вновь и вновь ставить под сомнение единство человеческого рода и мировой истории. Не буду здесь напоминать, как решали этот вопрос представители разных этнографических школ: эволюционисты, диффузионисты, функционалисты, этнопсихологи и другие.

Автор ограничивает свое поле зрения кругом отсталых народов (которых называли дикарями, варварами, первобытными, бесписьменными племенами, малыми народами, аборигенами и т. д.), оставляя без рассмотрения народы европейской культуры. Но и в этих пределах обнаруживается столько различий между народами, что автор естественно ставит вопрос: «Что же все люди имеют общего?» (стр. VII).

Во вводной главе автор подчеркивает, что область его изучения — не физиология или морфология человека, а этнография (Освальт предпочитает это обозначение нашей науки вместо привычного для ученых США названия «антропология»); он понимает под ней науку о «приобретенных» (learned), а не врожденных реакциях, — о том, «чему люди учатся друг от друга». Человеческое поведение строится, полагает Освальт,

¹ W. H. Oswalt, *Mission of change in Alaska*, San Marino, California, 1963; его же, *Alaskan Eskimos*, Chicago, 1967; W. H. Oswalt, J. W. Van Stone, *The ethnoarcheology of Crow village*, Alaska, Washington, 1967.